

Глава 1.7.

Но результат был плачевным.

— Чёрт! Это поэтому ты не поступил в научную старшую школу?

— Эй. У меня всё ещё отвёртка в руке.

— Научная старшая школа была просто слишком мала, чтобы вместить тебя.

Он мог открыть централизованный замок, но починить сам кондиционер было уже слишком.

Принимая жалкую реальность, Кон Пёнхва растянулся на парте, протонав.

Кон Пёнхва всегда был горячим, но с тех пор, как он пробудился альфой, его кровь, казалось, циркулировала ещё быстрее.

По словам его врача, проблема улучшилась бы, если бы он обменивался феромонами с омегой или установил связь, но рядом не было омег, с которыми можно было бы стратегически обмениваться феромонами, чтобы пережить жару. Омег вообще было не так много.

Он был занят тем, что был осторожен, не желая ввязываться во что-то вроде политического брака.

Возможно, потому что настало время для пробуждения вторичного пола, количество пробуждающихся людей росло день ото дня в сообществе, где они жили.

Только на прошлой неделе младшая дочь Дэхва Чунконга пробудилась омегой, и родители с детьми-альфами уже метили территорию.

«Моя мама тоже сказала мне попытаться поладить с ней...»

На самом деле Кон Пёнхва не очень интересовался омегами.

Он получил обязательное половое воспитание о корреляции между альфами и омегами, но для него омеги были просто как «кто-то, кто брызгается немного приятными духами».

«Может, я асексуал? Может быть...»

После того, как загадка его рождения разрешилась, пришли заботы о сексуальной ориентации. Как говорится, жизнь действительно непрерывная череда забот.

«Нет, чтобы быть настоящим асексуалом, разве не нужно быть хотя бы как Шин Сэбёк?»

Его поражало, как Сэбёк мог учиться, клюя носом, даже в эту жару.

«До сих пор нет новостей о его пробуждении, значит, Шин Сэбёк, должно быть, бета?»

Кон Пёнхва больше не завидовал Шин Сэбёку. Будь то альфа, омега или бета, по крайней мере, он не был приёмным ребёнком!

«Но почему они не купят кондиционер, когда чистокровный второй сын семьи Кон умирает от жары?»

У него были подозрения вроде «может, я всё-таки действительно приёмный?», но Кон Пёнхва вскоре отказался от мыслей.

Было слишком жарко, чтобы его мозг функционировал.

«Кон Пёнхва, прекрати выделять феромоны!»

Шин Сэбёк хотел закричать прямо сейчас. Нет, что-то было не так с его головой — он хотел объявить об этом по школьной трансляционной системе.

Он хотел сказать всей школе: «Кон Пёнхва из класса 1-1, контролируй свои феромоны. Ты что, один в классе?»

Уже потя от жары, феромоны Кон Пёнхва заставляли даже его интимные места становиться влажными. Из-за этого ему приходилось принимать больше лекарств, что вызывало сонливость.

Всего за неделю до выпускных экзаменов Шин Сэбёк был на грани потери рассудка.

В школе он не мог сосредоточиться из-за Кон Пёнхва и лекарств, а дома не мог учиться, потому что чувствовал удушье.

Он должен был победить на этот раз, но даже спать по 2 часа в день было трудно.

Когда он закрывал глаза, сердце слишком сильно колотилось, и сколько бы он ни спал, он всё равно был уставшим.

Всё, о чём он мог думать, — это вздохи отца и тревоги матери. Он хотел быть классным старшим братом для будущего младшего брата или сестры, но ничего не мог сделать.

Из-за давления и стресса Шин Сэбёк теперь иногда видел то, чего не было.

Буквы на бумаге шевелились и убегали. По крайней мере, с корейским он мог перечитывать много раз и улавливать контекст и настроение, но с английским было труднее.

В становилось d, о становилось Q, а r и q менялись местами, превращая слова в совершенно другие.

Его концентрация падала, а нетерпение росло.

На этот раз обязательно, на этот раз обязательно, на этот раз, на этот раз...

Наэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэот
разнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэотразнаэот
эотразнаэотрази.

Ему нужно было победить, ему нужно было победить, ему нужно было победить.

Его голова уже была настолько полна, что могла взорваться. Кровеносные сосуды около висков уже некоторое время подёргивались.

Тук-тук-тук, пульс-пульс, его сосуды двигались, и глаза щипало.

Теперь его тошнило каждый раз, когда он смотрел на книгу. Даже сидеть на стуле было трудно.

«Но я должен это сделать».

Он неохотно перелистывал страницы своего учебного пособия, затем неохотно снова открывал тетрадь с ошибками и словарь.

До экзамена оставалось меньше недели, улучшений не было. Буквы искажались сильнее, и его темп замедлялся.

Он только становился всё более нетерпеливым с каждым днём.

Шин Сэбёк учился до раннего утра, плача.

Даже с такими усилиями он не был уверен, что сможет победить Кон Пёнхва.

Не похоже было, что он сможет победить.

За день до выпускных экзаменов, благодаря чудесному ремонту кондиционера, Кон Пёнхва почувствовал, что, возможно, выживет.

Кон Пёнхва взглянул на своего соперника, Шин Сэбёка.

Шин Сэбёк сидел в той же позе, что и утром, просто глядя в свои книги.

«У него что, не бывает пролежней на попе? Интенсивный гад».

Кон Пёнхва чувствовал, что умрёт, просидев всего 1 час. Сидеть 2 часа — как будто у него развивалось хроническое заболевание, и он думал, что заставлять кого-то сидеть более 3 часов следует рассматривать как несчастный случай на производстве.

«Как живой, дышащий несчастный случай на производстве».

Вечный соперник Кон Пёнхва, воплощение несчастного случая на производстве, Шин Сэбёк, должно быть, почувствовал пристальный взгляд Кон Пёнхва, потому что он ненадолго оторвал голову от книги, в которую напряжённо смотрел.

Кон Пёнхва сделал вид, что не заметил, и отвернулся.

«У него что, глаза на затылке?»

Честно говоря, Кон Пёнхва немного побаивался Шин Сэбёка. У Шин Сэбёка была определённая интенсивность, из-за которой казалось, что он может добиться всего.

Это было не то, чему он мог подражать, как бы ни старался.

«Мы несовместимы. Жутко не нравится. Фу».

Что ж, даже в нежном возрасте 5 лет они не сошлись — начиная с того, что Сэбёк не проявил интереса к динозаврам.

«Он проигнорировал меня, когда я заговорил с ним. Мудак».

Обида с 5-летнего возраста длилась довольно долго. Вообще-то, не нужно было возвращаться в 5 лет — даже сейчас Шин Сэбёк игнорировал Кон Пёнхва всякий раз, когда тот пытался с ним заговорить.

Кон Пёнхва никак не мог любить Шин Сэбёка.

В индустрии соперников: один возраст, одна школа, один класс, один пол. Добавьте к этому совершенно разные личности, и тот факт, что он игнорировал его каждый раз, когда он пытался заговорить — даже Кон Пёнхва, который гордился своим хорошим характером, невзлюбил Шин Сэбёка.

Хотя они знали друг друга долгое время, он ничего не знал о Шин Сэбёке. Шин Сэбёк был просто «тем гадом, которого я ненавижу».

«На что он уставился? Что. Почему. Что».

Думая об этом про себя, Кон Пёнхва подмигнул Шин Сэбёку.

Он ожидал, что Шин Сэбёк будет явно раздражён, но вместо того, чтобы, как обычно, проигнорировать его, Шин Сэбёк, казалось, растерялся. Он постоянно оглядывался.

Кон Пёнхва задумался, не было ли у него чего-то на лице. Он проверил, но его лицо выглядело как обычно.

«Ему что, есть что сказать?»

Шин Сэбёку? Кон Пёнхва? Не может быть. Кон Пёнхва не придал этому значения и засунул руку под парту, чтобы воспользоваться телефоном.

Думая, что на самом деле надо бы поучиться после того, как настроит авто-охоту, Кон Пёнхва тайком съел несколько мармеладок, спрятанных в ящике парты.

Но его поймал Чон Сону, который конфисковал у него пять мармеладок.

Сожалея, что не был осторожнее, он заметил маленькую записку, положенную на его парту.

«Это вызов?»

Возможностей было слишком много.

«Кто-то узнал, что я заказывал курицу в класс третьеклассником? Поймал меня на розыгрыше при звонке учителю? Или может...»

Нет, нет. Если бы это было что-то из этого, человек бы не оставил записку. Кон Пёнхва спокойно развернул записку.

В записке была всего одна строчка, написанная довольно аккуратным почерком.

[Не мог бы ты прийти на крышу после школы?]

Шин Сэбёку просто хотелось плакать.

Он не мог понять, что на него нашло, когда он оставлял записку Кон Пёнхва.

Нет, на самом деле он знал, но не думал, что действительно это сделает.

«Я просто закрою глаза и скажу ему. Скажу, что его феромоны меня беспокоят».

Не упоминая, что он омега, может, сказать, что он рецессивный альфа? Не должно быть странным просить кого-то быть осторожным, раз он чувствует феромоны, хотя ничем не отличается от беты.

Сэбёк сжал кулак и вставил ключ в дверь на крышу.

Это был ключ, который он получил от учителя, когда тот создавал сад на крыше.

«Учитель ушел, не заперев дверь?»

Ключ поворачивался без сопротивления, и Сэбёк не придавал этому значения, мысленно подготовив то, что скажет Кон Пёнхва.

Он верил, что если он попросит Кон Пёнхва быть осторожнее, поскольку тот не был совершенно бестактным человеком, он согласится без особых подозрений.

Но Кон Пёнхва оказался быстрее, чем мысленная подготовка Сэбёка.

— ...

— ...

«Как он открыл дверь на крышу?»

Прежде чем Сэбёк был мысленно готов, он увидел Кон Пёнхва, уже ожидающего на крыше. У Сэбёка пошла кругом голова.

— ...

— ...

Что мне делать? Что мне делать? Что мне делать? Что мне делать? Что мне делать? Его разум был полон вопросительных знаков.

После долгого молчания первым заговорил Кон Пёнхва, а не Сэбёк.

— Зачем? Зачем ты меня позвал?

— Э-Это...

<http://bllate.org/book/17004/1578834>